

Г.В.Ф. Гегель

Сочинения

Том VII. Философия права

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Г11

Г11 **Г.В.Ф. Гегель**
Сочинения: Том VII. Философия права / Г.В.Ф. Гегель – М.: Книга по Требованию, 2013. – 396 с.

ISBN 978-5-458-45622-7

"Философия права" - одно из важнейших сочинений Гегеля - появляется в русском переводе впервые.

ISBN 978-5-458-45622-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Философия права» — одно из важнейших сочинений Гегеля — появляется в русском переводе впервые. Первое немецкое издание этой книги вышло при жизни Гегеля в 1821 г. под громоздким заглавием: «Grundlinien der Philosophie des Rechts und Naturrechts und Staatswissenschaft im Grundrisse» (Основные черты философии права и государственной науки в сжатом очерке). Второе немецкое издание «Философии права» появилось уже после смерти Гегеля в 1833 г., составив восьмой том первого полного собрания его сочинений, изданных его ближайшими друзьями и учениками. В отличие от первого издания второе немецкое издание содержало в себе, помимо основного гегелевского текста, еще и «прибавления» (числом около 200) к отдельным параграфам. Эти «прибавления» были даны учеником Гегеля Эдуардом Гансом на основе записей лекций философа его слушателями.

Настоящий перевод сделан со второго издания, и в него следовательно вошли все прибавления, сделанные Гансом. Эти прибавления не только весьма интересны по своему содержанию, но они имеют и очень важное методическое значение, так как в большой степени облегчают понимание и усвоение основных гегелевских положений, зачастую преподносимых философом в весьма абстрактной и схематической форме.

Выход в свет первого русского перевода «Философии права» несомненно явится значительным событием на нашем философском фронте, ибо это произведение не только крайне важно для правильного уяснения гегелевской философии в целом — со всеми ее сильными и слабыми сторонами, но, что еще для нас важнее, оно должно способствовать более глубокому пониманию философии марксизма, которая имеет одним из своих истоков гегелевскую философию, составной частью которой является «Философия права».

«Философия права» бесспорно принадлежит к числу тех работ Гегеля, в которых, по выражению Энгельса, консервативная сторона гегелевской системы непомерно разрослась. Но сам по себе этот факт не только не умаляет значения этой книги, а наоборот, еще более подчеркивает необходимость ее глубокого и внимательного изучения, ибо не следует забывать, во-первых, что влияние и историческая судьба гегелевской философии определялись не только ее революционными элементами, но не в меньшей мере и ее реакционной стороной, и, во-вторых, консервативные выводы гегелевской «Философии права» дают нам ключ для лучшего понимания социальных корней философской системы Гегеля.

С другой стороны, было бы также недопустимой ошибкой, если бы из-за гу-

отых реакционных напластований, которые имеются в «Философии права», мы не видели бы некоторых положительных моментов.

Великие основоположники научного социализма, даже после того как они преодолели Гегеля и подвергли реакционные выводы его «Философии права» самой суровой критике, отдавали должное глубине, оригинальности и многогранности гегелевской концепции и революционности его диалектического метода. «Кто... глубже проникает в грандиозное здание, — писал Энгельс в своем «Людвиге Фейербахе» о гегелевской философии, — тот находит бесчисленные сокровища, до настоящего времени сохранившие свою полную ценность».

Точно так же и Маркс расценивал роль Гегеля как философа права и государства, ставил его выше других буржуазных теоретиков права.

В своей «К критике гегелевской философии права» Маркс писал:

«Критика немецкой государственно-правовой философии, получившей в работах Гегеля свою самую последовательную, самую содержательную и законченную формулировку, есть... как критический анализ современного государства и связанной с ним действительности, так и самое решительное отрицание всей донныне существующей формы немецкого политического и правового сознания, самым благородным, универсальным, до степени науки возвысившимся выражением которого является именно сама спекулятивная философия права»¹.

На основе высказываний Маркса мы можем с точностью установить, когда ему удалось полностью свести критические счета с гегелевской философией вообще и с его «Философией права» в частности. В своем предисловии «К критике политической экономии» Маркс по этому поводу пишет следующее:

«Первой работой, предпринятой для разрешения осаждавших меня сомнений, был критический пересмотр гегелевской философии права; введение к этой работе появилось в издававшихся в 1844 г. в Париже «Немецко-французских ежегодниках». Мои исследования привели меня к заключению, что правовые отношения, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого всеобщего развития человеческого духа: наоборот, они коренятся в материальных условиях жизни, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII в., объединил под названием «гражданского общества», а анатомию гражданского общества надо искать в политической экономии».

Упоминаемое здесь Марксом введение, а также недавно (в 1927 г.) разысканная в архиве немецкой социал-демократии Институтом Маркса и Энгельса статья Маркса, посвященная критике гегелевской философии государства (впервые напечатанная в «Архиве Маркса и Энгельса», № 3 за 1927 г.), свидетельствует о том, что уже в 1843 г. Маркс достиг той духовной зрелости, которая позволила ему дать решительный бой гегелевскому абсолютному идеализму и противопоставить ему новую точку зрения — материалистическо-диалектическую (в то время правда еще не вполне выкристаллизовавшаяся).

«Принципы, — писал Энгельс о Гегеле, — всегда носят печать независимости и свободомыслия, выводы же — этого никто не отрицает — нередко умерен-

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., Институт Маркса и Ф. Энгельса, т. I, стр. 405.

ны, даже консервативны. Тут-то выступила часть его учеников, которая, оставаясь верной принципам, отвергла выводы, поскольку они не могли найти себе оправдания»¹.

Маркс как-раз и принадлежал к числу тех учеников, которые восприняли принципы гегелевской философии, но в отличие от других левых гегельянцев он эти принципы не оставил в том виде, в каком они даются у Гегеля, материалистически их переработал. Мало того, Маркс и Энгельс, отбрасывая те выводы, «которые не могли найти себе оправдания», нашли, оценили и материалистически переработали целый ряд верных и глубоких положений, которыми изобилуют все произведения Гегеля — даже и «Философия права».

В этой связи нельзя конечно не указать на большую помощь, которую оказал Марксу и Энгельсу в деле критического преодоления Гегеля Фейербах, важнейшие работы которого — «Предварительные тезисы к реформе философии» и «Сущность христианства» — произвели на них очень сильное впечатление. Но, с другой стороны, было бы также неправильно переоценивать значение фейербаховской критики Гегеля для выработки мировоззрения Маркса. Гениальность творцов диалектического материализма в том и заключалась, что, признав правоту философии Фейербаха по столь принципиальному вопросу, как вопрос об отношении мышления к бытию, они вместе с тем ясно сознавали ее неполноту и односторонность.

В своем письме к Руге от 18 марта 1843 г. Маркс писал: «Афоризмы Фейербаха страдают, на мой взгляд, в том отношении, что он слишком много напирает на природу и слишком мало на политику, между тем — это единственный мотив, благодаря которому теперешняя философия стала идейной»².

«Удивительную бедность» Фейербаха в сравнении с Гегелем отметил позднее в своем «Людвиге Фейербахе» Ф. Энгельс.

«У Гегеля, — пишет он, — этика или учение о нравственности есть философия права и обнимает: 1) отвлеченное право, 2) мораль, 3) область нравственности, к которой относятся: семья, гражданское общество, государство. Насколько идеалистична форма, настолько же реалистично содержание. Наряду с моралью оно включает в себе всю область права, экономики и политики. У Фейербаха — как-раз наоборот. По форме он реалистичен, за точку отправления он берет человека. Но ни единым словом не упоминает об окружающем человеке мире, и потому его человек остается тем же отвлеченным человеком, который фигурирует в религии. Этот человек не рожден женщиной; он, как из куколки, вылетает из бога монотеистических религий. Поэтому он живет не в действительном, исторически развившемся и исторически определенном мире. Хотя он сносится с другими людьми, но каждый из них такой же отвлеченный, как он».

Таким образом мы видим, что критическое преодоление философии Гегеля носило у Маркса и Энгельса несравненно более глубокий характер, чем у Фейербаха. Это было в полном смысле слова преодоление, снятие в гегелевском значении этого понятия, т. е. не только отрицание ограниченности этой философии, но и сохранение всего положительного, что в ней имеется, и следовательно возведение философии на новую более высокую ступень.

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. II, стр. 117.

² Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. I, стр. 532.

Критическое преодоление Марксом гегелевской «Философии права» нашло свое отражение в упоминавшейся выше нами статье, посвященной анализу гегелевской концепции государства. В этой работе, которая с полным основанием может быть отнесена к наиболее глубоким и блестящим критическим работам, когда-либо написанным о Гегеле, Маркс сосредоточивает свое внимание на следующих моментах: 1) на выявлении основного методологического порока гегелевской «Философии права», 2) на доказательстве полнейшей беспочвенности и необоснованности тех консервативных выводов, к которым приходит Гегель в заключительном разделе своего сочинения.

Несомненно, что эта статья, несмотря на то что она была написана молодым Марксом, когда его взгляды еще окончательно не созрели, имеет громаднейшее значение как для правильной оценки гегелевской «Философии права» (и следовательно гегелевской философии вообще), так и для более глубокого понимания философии диалектического материализма и материалистического понимания истории.

Основной методологический порок, который находит Маркс в «Философии права», — это то, что у Гегеля здесь (как и в других произведениях) все поставлено на голову и изображено в перевернутом виде, — или, иначе говоря, что мы имеем здесь идеалистическую или, как он ее квалифицирует, мистическую трактовку вопроса, а не материалистическую.

Уже в этой своей статье Маркс с непререкаемой убедительностью доказывает, что гегелевский идеализм, который «берет факт, из которого мы исходим, не как таковой, а как мистический результат», совершенно бессилён свести концы с концами, что он неспособен правильно объяснить и обосновать факты эмпирической действительности, что все те выводы, к которым он приходит, навязываются миру извне социальными или, точнее, классовыми симпатиями и антипатиями Гегеля.

Итак, уже в 1843 г. молодой Маркс имел перед великим Гегелем то громадное преимущество, что его орлиный взор был устремлен не назад, а вперед, что свои идеи он сообразовывал с гениально понятой диалектикой вещей и исторических процессов, а не навязывал их (идеи) эмпирической действительности, что он понял историческую обусловленность всякой идеологии интересами господствующего класса и что наконец он первый раскрыл историческую роль пролетариата как класса, который должен эмансипировать человечество не только от экономического, но и идеологического рабства.

Но если Маркс и Энгельс раскритиковали и отбросили все мертвое и реакционное, что имеется в гегелевской «Философии права», то все ее положительное содержание они подвергли глубокой материалистической переработке и сделали ее прочным достоянием философии диалектического материализма. На этих положительных моментах мы здесь вкратце и остановимся.

Основная и характерная черта гегелевской «Философии права», возвышающая ее над всеми прежними теориями права, — это ее диалектическая трактовка проблем права, нравственности и государства и в связи с этим ярко проводимая точка зрения историзма.

Правда, диалектика Гегеля отправляется от ложного исходного пункта — от идеи, а не от материальной действительности, правда, объективность подхода Гегеля не материалистическая, а идеалистическая, правда, историзм Гегеля тер-

пит крах, когда классовые интересы подсказывают ему необходимость апологии прусской монархии, но несмотря на все это или может быть даже вопреки этому — за гегелевским пониманием и толкованием действительности, за его как будто бы абстрактными формулами чувствуется биение пульса жизни во всей ее сложности и многокрасочности, чувствуется тонкое историческое чутье этого гиганта диалектики.

«Превосходство способа мышления Гегеля над способом мышления всех других философов, — писал Энгельс в своей рецензии на книгу К. Маркса «К критике политической экономии», — было в том огромном историческом чутье, которое лежало в его основе. Хотя форма была крайне абстрактна и идеалистична, все же развитие его мыслей всегда шло параллельно развитию мировой истории. Он первый пытался показать развитие и внутреннюю связь истории, и каким бы странным ни казалось нам теперь многое в его философии истории, все же грандиозность основных его взглядов даже в настоящее время еще достойна удивления, особенно если сравнить с ним его предшественников или тех, которые после него отваживались пускаться в общие размышления об истории...»¹.

Для исторической концепции Гегеля, наряду с этим, характерно то, что — в отличие от своих предшественников — он понимал независимость исторического процесса от благих пожеланий философов и политических деятелей и тесную взаимосвязь идеологических форм с каждой эпохой.

«Постичь то, что есть, — пишет Гегель, — вот в чем задача философии, ибо то, что есть — есть разум. Что же касается отдельных людей, то уж конечно каждый и без того с ы н с в о е г о в р е м е н и: таким образом и философия есть точно так же современная ей эпоха, постигнутая в мышлении. Столь же глупо думать, что какая-либо философия может выйти за пределы современного ей мира, сколь глупо думать, что отдельный индивидуум может перепрыгнуть через свою эпоху, перепрыгнуть через Родос. Если же его теория в самом деле выходит за ее пределы, если он строит себе мир, как им он должен быть, то этот мир, хотя правда и существует, однако только в его мнении; последнее представляет собою мягкий материал, на котором можно запечатлеть все, что угодно» (стр. 18).

Гегель едко высмеивает тех философов, которые, вместо того чтобы «исходить из самой действительности», «поучают» эту действительность и стремятся навязать ей свои пожелания и идеалы.

Он показывает, что «даже платоновская республика, которая вошла в поговорку как образец пустого идеала, по существу ничего иного не изображает, как природу греческой нравственности» (стр. 16).

Правда, как мы видим, Гегель, правильно поняв историческую обусловленность всех идеологических форм каждой эпохи, все-таки не поставил перед собою вопроса (да и, стоя на идеалистических позициях, не мог его правильно поставить), что же является определяющим для характеристики каждой эпохи. Это смог только сделать Маркс, ответ которого полностью исчерпывается известной формулой: «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще». Но за Гегелем тем не менее все же остается та заслуга, что он близко подошел к этому вопросу.

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, Партиздат, Москва, 1938, стр. 207.

При оценке места и значения «Философии права» и ее роли как подготовительной ступени к философии марксизма не следует также пройти мимо тех моментов, которые характеризуют ее прогрессивность — пусть ограниченную теми уступками, которые он делал прусскому дворянству и прусской бюрократии — как идеолога восходящего капитализма. Именно эти моменты гегелевской философии и имел в виду молодой Маркс, когда он писал о революции «в мозгу философа» и о том, что немецкие философы были «теоретической совестью» тех народов, которые уже совершили буржуазную революцию.

И если верно, что влияние идей Великой французской революции больше всего чувствуется в «Феноменологии духа» и «Науке логики», то не менее правильно и то, что лейтмотивом «Философии права» является обоснование «разумности и необходимости» буржуазной системы и, следовательно, буржуазной собственности.

Государство по Гегелю — это «действительность нравственной идеи» и вместе с тем «действительность конкретной свободы».

Для гегелевской идеи государства характерно, что она, стремясь к небу, в «эфир чистого мышления», все же не может оторваться своими корнями от земли. И как Гегелю ни хотелось поставить государство над гражданским обществом и показать его внеклассовый и внесловный характер (см. например § 258), ему все же это не удавалось, — и он должен был признать, что право гражданского общества, т. е. право буржуазной собственности, получает свое полное развитие в государстве и что действительность последнего «состоит в том, что интерес целого реализуется распадом на особенности». Будучи величайшим сыном своей эпохи, Гегель признавал, что «основное условие блеска государства — это свободная собственность» (§ 229). И поэтому частную собственность Гегель считает чрезвычайно важным моментом во всемирной истории, она является, по его мнению, следующей ступенью духа после христианства, принесшего с собой свободу лица. «Лишь в собственности, — утверждает Гегель, — лицо есть разум» (стр. 69), лишь через собственность воли получает свое наличное бытие. И поэтому Гегель считает высшей несправедливостью платоновского государства уничтожение частной собственности.

Наряду со свободой собственности Гегель также подчеркивал и необходимость свободы личности. «Заповедь права, — говорит Гегель, — гласит следующим образом: будь лицом и уважай других лиц».

Так возвеличивал Гегель свободу частной собственности и свободу личности — эти основы победно наступавшего буржуазного строя. Несомненно, что эти мысли, которые явились отголоском Великой французской революции, прозвучали в феодально-бюрократической Германии, являвшей собою «напоказ всему миру выставленное ничтожество старого порядка» (Маркс) — как призыв к утверждению новых порядков.

Следует подчеркнуть глубокое понимание Гегелем диалектической связи и взаимозависимости членов гражданского общества — как производителей и потребителей. «В гражданском обществе, — пишет Гегель, — каждый для себя цель, все другие суть для него ничто. Но без соотношения с другими он не может достигнуть объема своих целей; эти другие суть потому средства для целей особенного» (стр. 211). «В зависимости и взаимности труда и удовлетворении потребностей субъективно себя любие превращается в содействие удо-

в л е т в о р е н и ю п о т р е б н о с т и в с е х д р у г и х... так что, когда каждый сам для себя приобретает, производит и потребляет, он вместе с тем именно этим приобретает, производит для потребления других» (стр. 223).

Характерно, что Гегель, как никто из его современников — немецких философов-идеалистов, очень высоко ставил политическую экономию как науку, «которая делает честь мысли потому, что она, имея перед собой массу случайностей, описывает их законы» (стр. 218). При этом Гегель приближался к пониманию тех противоречий, которые характерны для капиталистической системы.

«Когда гражданское общество, — писал Гегель, — действует беспрепятственно, его население и промышленность растут. Благодаря тому, что связь людей между собою, создаваемая их потребностями, и способы изготовления и доставления средств для удовлетворения последних получают всеобщий характер, накопление богатства увеличивается, ибо из этой двойной всеобщности извлекаются, с одной стороны, величайшие выгоды, точно так же, как, с другой стороны, эта же двойная всеобщность ведет к отрозненности и ограниченности особенного труда, а следовательно — к зависимости и бедственности положения прикрепленных к этому труду классов, с чем также связана неспособность чувствовать и наслаждаться дальше свободами и, в особенности, духовными преимуществами гражданского общества» (§ 243).

Конечно для Гегеля, как для идеолога буржуазии, факт концентрации капитала на одном полюсе и рост нищеты на другом — принимал «мистический вид закона природы» или же являлся необходимым моментом в развитии идеи; он не видел и не мог видеть социально-экономических причин этого факта. В отличие от современных идеологов буржуазии, включая и социал-фашистов, Гегель понимал, что рост массы продуктов, производимых капиталистическим обществом, не только не способствует улучшению положения рабочих, а, наоборот, увеличивает лишь их нищету и страдания.

«Если бы на богатые классы, — пишет Гегель, — возлагалось прямое бремя удерживать бессильную массу населения на их прежнем, подобающем уровне существования, или если бы нашлось средство к этому в другой публичной собственности (в богатых лечебницах, благотворительных учреждениях, монастырях), то существование нуждающихся было бы обеспечено, не будучи опосредствовано трудом, а это было бы противно принципу гражданского общества, равно как и чувству независимости и чести входящих в него индивидуумов; если же эти средства к существованию были бы опосредствованы трудом (доставлением работы), то увеличилась бы масса продуктов, между тем как слишком большое обилие этих продуктов и отсутствие потребителей, самостоятельно производящих соответственно потреблению, именно и составляет то зло, против которого борются, и в том и другом случае его лишь увеличивают. В этом сказывается то обстоятельство, что при чрезмерном богатстве гражданское общество недостаточно богато, т. е. не обладает достаточным собственным достоянием, чтобы бороться с чрезмерностью бедности и возникновением черни» (стр. 255).

Таким образом Гегель подходит к тому, что рост пролетариата (или по его терминологии черни) грозит большими социальными потрясениями господствующим

щему классу. «Важный вопрос о том, как бороться с бедностью, — говорит он, — волнует и мучит преимущественно современное общество». Но тем не менее он должен был распяться в своей бессилии указать выход из положения.

«Опыт там (в Англии), в особенности в Шотландии, показал, — пишет Гегель, — что наиболее прямым средством как против бедности, так и, в особенности, против лени, расточительности и т. д., благодаря чему возникает чернь — что наиболее прямым средством против всех этих зол является предоставление бедных их судьбе и предоставление им возможности добывать средства к существованию открытым нищенством» (стр. 255).

Таким образом, хотя Гегель и защищал тот принцип, что если бы существование нуждающихся «было бы обеспечено, не будучи опосредствовано трудом, то это было бы противно принципу гражданского общества, равно как и чувству независимости и чести входящих в него индивидуумов», тем не менее должен был тут же отказаться от «действительности и разумности» этого принципа и признать необходимость и следовательно — разумность нищенства. Совершенно очевидно, что идеолог буржуазии, для которого вполне ясна была необходимость резервной армии труда для капиталистической системы, к другому выводу и не мог прийти.

Из всего вышеизложенного вытекает, что изучение «Философии права» не только очень важно для лучшего понимания сильных и слабых сторон гегелевской философии, но оно имеет также громаднейшее значение для более углубленного изучения Маркса и Энгельса и для понимания их материалистической переработки гегелевской диалектики.

Наконец имеется еще одно важное обстоятельство, придающее «Философии права» большое актуальное значение. Мы имеем в виду усиление интереса к этому сочинению со стороны идеологов фашизирующей буржуазии.

Для всех этих фашистских идеологов прежде всего характерно то, что они стремятся взять из Гегеля все мертвое и реакционное и выдать это за основную суть гегелевской философии. В частности, в «Философии права» вызывает особое восхищение фашистов обожествление Гегелем государства и частной собственности, апология войны и колониальной политики, защита бюрократических методов государственного управления и т. д. Всякого рода Биндеры, Геллеры, Циглеры, Шпенглеры, заимствуя у Гегеля его аргументацию, ополняя и принижая ее до уровня своей ограниченности, из кожи лезут вон, чтобы доказать, что фашистское государство — «это действительность нравственной идеи, причем оно не только средство, обеспечивающее нравственность своих граждан, но само по себе нравственная сущность»¹. «Вполне логично, — заявил Ю. Биндер на Первом гегелевском конгрессе, — что у Гегеля социализм не играет никакой роли; это находит свое объяснение не в том, что он, как это часто в неодобрительном смысле утверждают, был философ сытой буржуазии, что не соответствует истине, а только в том, что он впервые нашел правильное понятие государства, в котором эгоизм как движущий принцип буржуазного общества снят»².

¹ См. *Verhandlung des ersten Hegelkongress.*

² Там же, стр. 191.

Так Биндер — этот «морально-свободный» холоп крупной буржуазии — противопоставляет социализм, как царство необузданного эгоизма, «правильному понятию государства», являющемуся якобы высшим воплощением нравственной идеи и свободы. Под этим государством он конечно понимает фашистское государство.

Через два года, после того как Биндер произнес эти прочувствованные слова, его мечта воплотилась в жизнь — и весь мир в настоящее время имеет возможность видеть «высшее воплощение нравственной идеи и свободы» — гитлеровское государство — в действии. Теперь уже всем стало ясно, что означает «свобода» и «нравственность» на языке Биндеров, Розенбергов и прочих мракобесов. Она означает свободу эксплуатации, свободу кровавого террора по отношению к трудящимся, свободу погромов и провокаций, свободу подготовки новой империалистической войны.

Сама жизнь, сама действительность разоблачила таким образом тот факт, что жалкие гегелевские эпигоны стремятся прикрыть авторитетом великого мыслителя ту весьма убогую социально-политическую идеологию, которая служит базисом для кровавой политики фашизма, стремящегося всеми силами и средствами отсрочить час гибели обреченного класса. Вместе с тем совершенно очевидно, что для тех классовых целей, которые преследуют идеологи загнивающей буржуазии, Гегель даже в тех работах, где он в наибольшей мере проявляет свою реакционность, оказывается слишком радикальным. Отсюда задача — вытравить все прогрессивное, что имеется в работах Гегеля, хотя бы ценой самого грубого извращения как всей гегелевской концепции в целом, так и отдельных совершенно ясных гегелевских положений. Сособенно ненавистен большинству фашистских идеологов метод Гегеля — эта революционная душа его философии. Этот метод они либо вовсе отвергают (например Берольцгеймер — видный буржуазный правовед), либо же извращают его настолько, что обращают в свою противоположность. Важнейшее место среди таких извратителей гегелевской философии вообще, и «Философии права» в частности, занимает вождь неогегельянства — Кронер. Как все реакционные ополчители Гегеля, он начинает с извращения метода. Он ищет не рациональное зерно в гегелевской философии, а наоборот, стремится превратить все рациональное, что в ней имеется, в иррациональное. «Гегель, — утверждает он, — без сомнения величайший иррационалист. Ни один мыслитель до него не смог так иррационализировать понятие и в такой мере через понятие осветить иррациональное, как это сделал Гегель... Он иррационалист потому, что он диалектик... потому что диалектическое мышление есть рационально-иррациональное мышление»¹.

И если Гегель в «Философии права» утверждает, что «философия именно потому, что она есть проникновение в разумное, представляет собой постижение наличного и действительного, а не выставление потустороннего начала» (стр. 16), то его «маститый последователь» вынужден утверждать обратное, а именно защищать иррационализм гегелевской диалектики и ссылаться на авторитет «потустороннего начала» в тех случаях, когда он не может вы-

¹ R. Kroner. «Von Kant bis Hegel». P. II, s. 271—272.

двинуть вразумительных аргументов в защиту своих реакционных положений¹.

Такова логика классовой борьбы на данном этапе, которая вынуждает идеологов буржуазии защищать ту систему, которая полностью выявила свою несостоятельность и неразумность. Но при этом совершенно очевидно, что такого рода интерпретация Гегеля ничего общего не имеет с правильным пониманием сущности и значения гегелевской философии.

Для иллюстрации того, насколько тщательно вытравливают неогегельянцы все действительно ценное в гегелевской «Философии права», мы приведем еще и следующий яркий пример. Известный издатель сочинений Гегеля и вождь неогегельянцев пастор Лассон в своем введении к гегелевской «Философии права», отметив заслуги великого философа и с особенным удовлетворением подчеркнув его антидемократические тенденции, должен был однако с горечью отвергнуть следующее гегелевское положение, а именно, «о необходимой взаимосвязи между растущим благополучием и прогрессирующей бедностью», т. е. то самое положение, которое отражает мощь его диалектического гения и тонкое чутье действительности. «В этом вопросе, — пытается «защищать» Лассон Гегеля, — он не мог принять в расчет наступившие с тех пор величайшие успехи в способах производства и средствах сообщения, на основе чего теперь с полной ясностью можно утверждать, что рост благосостояния ведет не к капиталу накоплению в немногих руках, а к постоянно расширяющемуся участию все большего и большего числа членов общества в национальном имуществе... Благодаря этим успехам ограничивается чрезмерность богатства и бедноты...»² (курсив наш). То же писали и все ревизионисты и социал-фашисты.

Далее Лассон категорически возражает против тезиса, что «чернь» (на возвышенном языке неогегельянца — это синоним безработного пролетариата) порождается в результате перепроизводства. «Чернь, — авторитетно заявляет пастор Лассон, — порождается не экономическими отношениями, а моральными пороками».

Классовый смысл этой любопытной полемики гегельянца со своим духовным отцом — Гегелем — совершенно ясен. Богобоязненный пастор Лассон, как это видно из вышеприведенной цитаты, считает своим святым долгом просто лгать, когда дело касается защиты интересов своего класса и идеологического обмана эксплуатируемых масс. Заявлять перед лицом необычайного кризиса и небывалого роста нужды и безработицы³, которые наблюдаются во всех капиталистических странах, что положение масс улучшается, — это такой рекорд цинизма, на который способен далеко не каждый неогегельянец и далеко не каждый пастор!

¹ См. например работу Richard Kröner, *Kulturphilosophische Grundlegung der Politik* («Культурно-философское обоснование политики»), где он стремится доказать, что бесклассовое общество и уничтожение государства не соответствуют идее «божественной справедливости».

² Hegel, «Grundlinien der Philosophie des Rechts; Herausgegeben von Lasson, Leipzig 1930, S. LVII.

³ Третье издание цитируемой книги вышло в 1930 г.